

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХІV.

1897.

НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 9Б.
1897.

НОВООТКРЫТЫЯ ΛΟΓΙΑ 'ΙΗΣΟΥ, КАКЪ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ.

Λόγια 'Ιησοῦ. Sayings of our Lord, discovered and edited by *Bernard P. Grenfell* and *Arthur Hunt*. London, 1897.

Adolf Harnack, UEBER DIE JÜNGST ENTDECKTEN SPRÜCHE JESU. Freiburg, 1897.

G. Heinrici, Λόγια 'Ιησοῦ (двѣ рецензіи въ *Theologische Litteraturzeitung*, 1897, № 17, ст. 449—457).

Theodor Zahn, DIE JÜNGST GEFUNDENEN AUSSPRÜCHE JESU. *Theologisches Litteraturblatt*, 1897, №№ 35 и 36, ст. 417—420, 425—431.

Henry Redpath, THE SO-CALLED LOGIA AND THEIR RELATION TO THE CANONICAL SCRIPTURES. *The Expositor*, 1897, September, 224—230.

John A. Cross, THE SAYINGS OF JESUS. *The Expositor*, 1897, October, 267—267.

Азрафовъ, Независимыя въ Евангеліи изреченія Христа Спасителя и новооткрытыя изреченія Его. *Христ. Чтеніе*, 1897, октябрь, стр. 488 — 505, и отдѣльно, Спб. 1897.

Уже полтора приблизительно вѣка умы и сердца образованнаго міра волнуютъ поднятый „литературой просвѣщенія“ вопросъ объ отношеніи „Христа исторіи“ къ „Христу преданія“, иначе—о достовѣрности Евангелій. Глубокій, жгучій интересъ къ нему внутренне понятенъ всѣмъ намъ и, слѣдовательно, законенъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сказать, что ученому, въ глазахъ котораго Евангелія, по чему то ни было, утратили достовѣрность, приходится вести разработку евангельской исторіи въ очень невыгодныхъ для научной работы условіяхъ. Дѣло въ томъ, что, совершенно независимо отъ личныхъ отношеній отдѣльныхъ изслѣдователей къ религіи, между ними не можетъ быть спора насчетъ исторической цѣнности Евангелій сравнительно съ другими источниками: для своего особаго предмета,

то-есть, для исторіи жизни и для содержанія проповѣди Іисуса Христа, это безмѣрно лучшіе источники изъ всѣхъ существующихъ. Только для обстановки евангельской исторіи, для ея побочныхъ темъ наука располагаетъ довольно обильными и недурнаго качества повѣрочными средствами. Поэтому самый ярый отрицатель, самый строгій позитивистъ, принимаясь конструировать своего „Христа исторіи“, бываетъ принужденъ обращаться за матеріаломъ къ тѣмъ же Евангеліямъ, только истолковывая ихъ по своему; обыкновенно онъ изучаетъ, съ одной стороны, релігіозное состояніе іудейскаго народа въ I вѣкѣ до нашей эры, съ другой — христіанскую церковь изъ томъ ея древнѣйшемъ періодѣ, для котораго Новый Заветъ представляетъ безспорный первоисточникъ. въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, — и затѣмъ пытается опредѣлять посрединѣ точку, гдѣ бы сходились и откуда бы расходились изученныя имъ историческія движенія; ее-то онъ и выдаетъ намъ за дѣйствительнаго, историческаго Христа. Между тѣмъ ясно, что опредѣлять эту точку иначе, какъ произвольно, просто-таки нельзя, такъ какъ направленіе и быстрота движенія послѣ Христа зависитъ прежде всего отъ искомой величины — отъ характера и силы даннаго Имъ толчка, то-есть отъ вліянія Его личности. Иную рѣчью: писатель, отказавшійся, почему бы то ни было, отъ довѣрія къ преданію Евангелій, оказывается вовсе безъ достовѣрныхъ источниковъ, и потому труды его могутъ дать только результаты или чисто отрицательные, или, въ той или иной степени субъективно-окрашенные, фантастическіе. Примѣромъ перваго рода можетъ служить „Leben Jesu“ Д. Штрауса, примѣрами втораго — безчисленные Христы Шлейермахера, Бруно Бауера, Ренана, Кейма, Бейншлага, Ренялли, (также Л. Толстаго, Ницше, Гартмана), которые всѣ мало похожи другъ на друга и каждый порознь — на евангельскаго.

Эта беспочвенность, ведущая къ безрезультатности отрицательной и скептической критики всегда чувствовалась ею самою и справедливо ставилась ей на видъ апологетическою паукой. Но и дѣло этой послѣдней также очень затруднено бѣдностью и плохимъ качествомъ вѣканоническихъ извѣстій о Христѣ: упрекъ въ субъективности нападеній на евангельскую исторію, какъ ее даетъ преданіе, скептикъ можетъ возратить, и возвращаетъ апологету, какъ упрекъ въ субъективности его защиты. Отсюда понятно то почти лихорадочное возбужденіе, которое охватываетъ мірокъ богослововъ и церковныхъ историковъ всѣхъ направленій и въ извѣстной мѣрѣ сообщается публикѣ

при всякой вѣсти объ открытіи новыхъ, хотя бы незначительныхъ, но древнихъ и независящихъ отъ Евангелій данныхъ о Иисусѣ Христѣ и о первоначальной христіанской общинѣ: помимо того, что христіанскому міру дорога сама по себѣ всякая строчка, говорящая о Немъ—люди науки разныхъ лагерей прежде всего надѣются найти въ новооткрытомъ памятникѣ ту опорную точку для спора, которой такъ не достаетъ обѣимъ сторонамъ. Понятно, что эти открытія въ первое время возбуждаютъ чрезмѣрные ожиданія и находятъ пристрастныхъ, раздувающихъ ихъ значеніе оцѣнки. Такъ было въ свое время съ открытіемъ Синайскаго кодекса, потомъ „Философуменъ“ Ипполита, сублившихся было безповоротно рѣшить вопросъ о подлинности Евангелія отъ Іоанна; а въ ближайшія къ намъ времена—съ открытіемъ „Ученія 12-ти апостоловъ“ и отрывка такъ называемаго Евангелія Петра: такое же, преувеличенное, по моему мнѣнію, возбужденіе переживаетъ ученый міръ и въ настоящее время.

Дѣло идетъ о небольшомъ, жестоко истрепанномъ, клочкѣ папируса въ 15 сант. длины и 9 ширины, найденномъ въ кучѣ мусора близъ деревушки аль-Бахнаса, въ 200-хъ верстахъ на югъ отъ Каира, въ мѣстности, гдѣ нѣкогда стоялъ цвѣтушій городъ Оксириныхъ, одинъ изъ центровъ древняго египетскаго христіанства. Листокъ исписанъ съ обѣихъ сторонъ и содержитъ въ 42 строкахъ, отъ 13-ти до 19-ти буквъ въ каждой, нѣсколько изреченій, приписываемыхъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ самому Иисусу Христу. Издатели считаютъ этихъ изреченій — 8; я, вслѣдъ за большинствомъ изслѣдователей — 7. Последнія, 21-я строки обѣихъ страницъ такъ испорчены временемъ, что возстановить последнее изреченіе нѣтъ надежды, а для чтенія конца третьяго приходится прибѣгать къ конъектурамъ. Въ верхнемъ правомъ углу лѣвой, непроглаженной, стороны листа стоитъ цифра α' (11), указывающая, что уцѣлѣвшій листокъ былъ 11-й въ книгѣ, и что чтеніе надо начинать съ этой, по обычному употребленію, оборотной стороны. Время написанія листка опредѣляется хотя въ широкихъ предѣлахъ, но зато надежно, слѣдующими данными: 1) цѣльное произведеніе имѣло форму книги, а не свитка; слѣдовательно листокъ не древнѣе 2-й половины II вѣка; 2) начертаніи буквъ — типичныя позднеэллинистическія унциалы, искажающіеся къ концу III вѣка и къ 300-му году выходящіе совсѣмъ изъ употребленія; слѣдовательно листокъ не моложе 300-го года; 3) въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нашимъ листкомъ, найдено много листковъ II—III

вѣка ¹⁾),—*можетъ быть, обрывки той же книги*. И такъ нашъ фрагментъ писанъ между 150—300 годами, вѣроятно приблизительно между 160—240 ²⁾). Находка сдѣлана гг. Grenfell'емъ и Hunt'омъ въ ноябрѣ прошлаго года, а весной нынѣшняго явилось уже въ печати издашіе „изреченій“, съ факсимиле, переводомъ и прекрасными примѣчаніями, составленными такими знатоками дѣла какъ гг. Conybeare, Rendel Haggis, James и Turner. Помимо газетныхъ извѣщеній и замѣтокъ, фрагментъ успѣлъ вызвать уже маленькую литературу; высказались между прочимъ проф. Redpath и Шюреръ, Theodor Zahn, авторитетнѣйшій историкъ новозавѣтнаго канона, и проф. Ад. Гарнакъ, знаменитый представитель либеральной протестантской теологіи. Я ограничусь здѣсь сообщеніемъ самихъ изреченій и сильнымъ объясненіемъ ихъ, при чемъ о предложенныхъ теоріяхъ и коньектурахъ буду говорить, лишь поскольку это совершенно необходимо. Но, во избѣжаніе увлеченій и произвольности, напомнимъ предварительно, что все непосредственно достовѣрное относительно происхожденія фрагмента исчерпывается тѣмъ, что онъ написанъ въ эпоху отъ 150—300 года, и найденъ въ Египтѣ. Гдѣ и когда составленъ его текстъ, пока неизвѣстно, въ Египтѣ ли онъ написанъ, или попалъ туда впоследствии, тоже. Вспомнимъ недавній случай съ порфирьевскимъ евангеліемъ 835 г., которое считалось написаннымъ въ Палестинѣ, такъ какъ найдено въ Лаврѣ св. Саввы Освященнаго, пока г. Церетели не доказалъ, что его писецъ—монахъ студійскаго монастыря въ Константинополѣ. Неизвѣстно далѣе, отрывокъ ли это цѣльнаго сочиненія, или сборникъ выписокъ, и если послѣднее, то взяты ли выписки изъ одного или нѣсколькихъ произведеній; писалъ ли онъ православною или еретическою, христіанскою или нехристіанскою рукою. На всѣ эти вопросы можетъ отвѣтить только текстъ, при интерпретаціи котораго мы не имѣемъ права предпологать на нихъ какіе бы то ни было отвѣты.

Отъ перваго изреченія сохранился только конецъ. Онъ читается:

καὶ τότε διαβλέψεις ἐμβαλεῖν τὸ

κάρφος τὸ ἐν τῇ ὀφθαλμῷ τοῦ ἀδελφοῦ σου, то-есть: „... и тогда увидишь, какъ вынуть щенку, находящуюся въ глазу брата твоего“.

¹⁾ Результаты помсконъ вообще колоссальны, въ Лондонъ отправлено было 280 коробокъ съ папирусными листками, а свитковъ найдено до 150-ти.

²⁾ По словесно сообщенному мнѣ мнѣнію г. Церетели, основанному, главнымъ образомъ, на начертаніяхъ буквъ θ и ρ, предпочтѣнъ слѣдуетъ скорѣе 2-ую половину укланнаго періода, то-есть 200—240 годъ.

Изреченіе, всѣмъ намъ знакомое съ дѣтства; оно буквально также читается у Луки, гл. 6, стихъ 42, окончаніе. Относительно его слѣдуетъ отмѣтить только одно, повидимому крайне мелочное обстоятельство ¹⁾: лучшими издателями и знатоками новозавѣтнаго текста, Тишендорфомъ, Весткоттомъ и Норт'омъ установлено, что первоначально *ἐκβαλεῖν* стояло у Луки на послѣднемъ мѣстѣ въ фразѣ, и было перенесено туда, гдѣ читается теперь, во второй половинѣ II вѣка, подъ вліяніемъ параллельнаго текста Евангелія отъ Маттея (позднѣе сближеніе текстовъ было проведено еще дальше). Итакъ нашъ фрагментъ даетъ намъ текстъ св. Луки, уже исправленнаго по Маттею; то-есть, одинъ по крайней мѣрѣ его текстъ, сколько мы можемъ судить, не древнѣе второй половины II столѣтія.

Второе изреченіе читается такъ:

λέγει ἰς· εἰ μὴ ἠσπασήτε τὸν κόσμον, οὐ μὴ εἴρηται τὴν βασιλείαν τοῦ Θεοῦ· καὶ εἰ μὴ σαββατίσητε τὸ σάββατον, οὐκ ὄψεσθε τὸν πατέρα;

то-есть, въ буквальный переводъ: „говоритъ Иисусъ: если вы не будете поститься относительно міра, то никакъ не найдете царствія Божія; и если не будете субботствовать субботы, то не увидите Отца“.

Большинство изслѣдователей видитъ въ этомъ изреченіи строгій параллелизмъ (только Zahn устранилъ его конъектурой), и полагаетъ, что такъ какъ *ἠσπασεῖν* въ первой половинѣ должно понимать въ переносномъ смыслѣ, то и *σαββατίσειν* во второй сказано тоже аллегорически. Но словосочетаніе *ἠσπασεῖν τὸν κόσμον* въ эллиноиудейской и древнехристіанской литературѣ не встрѣчается вовсе, слѣдовательно смыслъ его не несомнѣненъ; напротивъ, выраженіе *σαββατίσειν τὰ σάββατα* хорошо извѣстно изъ перевода 70-ти, и смыслъ его: соблюдать, праздновать субботу — безспоренъ. Значитъ, предполагая параллелизмъ и опредѣляя смыслъ второй половины изреченія въ соотвѣтствіе смыслу первой, мы едва ли не заключаемъ о безспорномъ, исходя отъ спорнаго, что не допустимо въ научной интерпретациі.

Далѣе, комментаторы, понимающіе „субботство“ аллегорически, ссылаются на то, что такое типологическое употребленіе встрѣчается въ посланіи къ евреямъ (гл. 4, ст. 9), въ посланіи псевдо-Варнавы (гл. 15) и у св. Юстина философа (Разговоръ съ Трифономъ іудеемъ гл. 12). Въ посланіи къ евреямъ и у псевдо-Варнавы субботой называется блаженное упокоеніе праведниковъ въ будущей жизни, которое было символизировано покоемъ Творца послѣ творенія и ветхо-

¹⁾ См. Zahn, рецензія, указанная въ заголовкѣ нашей статьи.

завѣтнымъ праздникомъ субботы. Кромѣ того, всѣ три писателя разумѣютъ еще подѣ „субботой“ (σαββατα, σαββατισμός) благоговѣнное провозглашеніе жизни вообще, освященіе всей жизни мыслью о будущемъ вѣкѣ. Но всѣ они отнюдь не предполагаютъ такого словоупотребленія общезвѣстнымъ и понятнымъ самимъ по себѣ; напротивъ, они всякій разъ подробно истолковываютъ и обосновываютъ его. Юстинъ говорить Трифону: Новый законъ желаетъ, чтобы вы субботствовали непрестанно (διὰ παντός), а вы, покоясь одинъ день, думаете, что живете благочестиво!...: Если есть среди васъ воръ, или клятвopеступникъ, пусть перестанетъ (грѣшнть), если есть прелюбодѣй, пусть раскается; и тогда онъ соблюдетъ истинную и сладостную субботу (σεσαββάτικε τὰ ἀληθινὰ καὶ τρυφερὰ σαββατα) Божію“. „Посланіе къ евреямъ“ посвящаетъ разъясненію своего σαββατισμός 13 стиховъ (гл. 3, 18—гл. 4, 11 включ.), посланіе псевдо-Варнавы—цѣлую 15-ую главу. Безъ такихъ объясненій эти слова типологически не употребляются, и безъ нихъ они обозначаютъ и у христіанъ ветхозавѣтную субботу, связанную съ извѣстнымъ днемъ и съ извѣстными обрядами (см. напримѣръ, посланіе къ Діогнету, гл. 4, и пр.). Такихъ объясненій (хотя бы самыхъ краткихъ, вродѣ διὰ παντός, или ὡς ἀληθῶς) въ нашемъ изреченіи нѣтъ, и потому впадать въ него какой-то особый смыслъ значитъ насиловать текстъ. Въ нашемъ отрывкѣ Христу приписывается строгое повелѣніе соблюдать ветхозавѣтную субботу, высказанное съ угрозою, что иначе послѣдователи ея не увидятъ Отца. Возможно, что это повелѣніе имѣетъ въ виду не скрупулезность въ обрядѣ, а провозглашеніе субботняго дня въ благоговѣніи и благотвореніи (какъ учить 2-я половина книги пророка Исаіи); но и въ такой формѣ оно стоитъ гораздо рѣшительнѣе на почвѣ іудейства, чѣмъ наше Евангеліе отъ Маттея, гдѣ Христосъ, хотя нигдѣ формально не отмѣняетъ субботы¹⁾, дозволяетъ ученикамъ у себя на глазахъ нарушать субботу и говорить, что Сынъ Человѣчскій есть господниъ и субботы (гл. 12, ст. 8), а для лицезрѣнія Отца ставить совсѣмъ другое требованіе: „блаженни чисти́и сердцемъ, яко тѣя Бога узрятъ“ (гл. 5, ст. 8). Нашъ отрывокъ могъ стоять въ Евангеліи крайнихъ іудео-христіанъ, такъ-называемыхъ евионитовъ-назареевъ, но еслибы онъ стоялъ въ Евангеліи отъ Маттея, его навѣрное сочли бы интерполяціей.

Нашего вывода о назарейскомъ характерѣ изреченія легко было бы

¹⁾ См. Матв. глава 24, стихъ 20.

избѣгнуть, еслибы возможно было доказать для него не арамейскій, а еврейскій оригиналъ. Дѣло въ томъ, что Causativ глагола **לָשַׁב** (покояться, субботствовать)—**לִשְׁבֵת** значить упразднять, прекращать; и притомъ глагольныя формы, которыя получаются при обратномъ переводѣ нашего изреченія на еврейскій языкъ: „если вы не упраздните субботы“ и „если вы не будете соблюдать субботы“ отличаются одна отъ другой только пунктуацией; такимъ образомъ іуданстическій смыслъ фразы объяснялся бы недоразумѣніемъ переводчика. Но **לִשְׁבֵת** въ арамейскомъ языкѣ не употребляется вовсе ¹⁾, а доказать еврейскій оригиналъ едва ли возможно. Миѣнія насчетъ того, на какомъ языкѣ было написано Евангеліе апостола Матѳея, расходятся. Въ новѣйшее время за еврейскій оригиналъ со всей энергіей стоятъ Альфредъ Реншъ (см. *Texte u. Untersuchungen herausgeg. von Gebhardt und Harnack, X, 1: Ausserkanonische Paralleltex-te zu den Evangelien, textkritische Grundlegungen*, стр. 83—152; тамъ же и литературныя указанія). А. Гарнакъ полагаетъ, что „праевангеліе“ (оригиналъ нашего Евангелія отъ Матѳея, или проблематическій источникъ синаптиковъ) почти одновременно существовало по арамейски и по еврейски. Вопросъ этотъ крайне запутанный. У отцовъ церкви мы постоянно читаемъ объ еврейскомъ оригиналѣ (Паніи: 'Εβραϊδὶ διαλέκτῳ; Пантэнъ: 'Εβραϊῶν γράμματα; Елифаній: 'Εβραϊστῆ); но „еврейскій“ языкъ естественно можетъ обозначать въ ихъ устахъ тотъ языкъ, на которомъ говорили имъ современные евреи, то-есть, сиро-арамейскій. Несомнѣнно отличалъ эти языки блаженный Іеронимъ; объ „Евангелии къ евреямъ“ онъ говоритъ: *quod Chaldaico quidem syroque sermone sed Hebraicis litteris scriptum est*. Но оригинала (или прототипа) нашего перваго Евангелія онъ не имѣлъ, и потому его извѣстія о его языкѣ самостоятельной цѣнности не имѣютъ. Такимъ образомъ, святоотеческія данныя не рѣшаютъ дѣла. Арамейскія имена и фразы у синаптиковъ (ихъ всего 19) доказываютъ, что Іисусъ Христосъ и Его среда говорили по арамейски (что и безъ того едва ли подлежитъ серьезнымъ сомнѣніямъ); но это еще не значить, что и Евангеліе написано было апостоломъ Матѳеемъ на этомъ, а не на священномъ, еврейскомъ языкѣ ²⁾. Миѣ кажется, скорѣе на-

¹⁾ Этими указаніемъ я обязанъ П. К. Коковцову.

²⁾ Былъ ли еврейскій языкъ въ Іерусалимѣ и его округѣ во времена Іисуса Христа понятнымъ народу, если не разговорнымъ—опять спорный вопросъ. Шю-

противъ: то обстоятельство, что эти слова и фразы (εφραθά, ταλιθά, хоѳм, ελωϊ ελωϊ λαρὰ σαβαυθαει) остались въ греческомъ текстѣ, и только сопровождаемы переводомъ, указываетъ скорѣе на то, что они въ оригиналѣ своимъ арамейскимъ языкомъ *выдѣлялись* изъ всего произведенія. Однако громадный матеріалъ разныхъ версій евангельскихъ изреченій, которыя Решъ собралъ, и которыя онъ хочетъ объяснить изъ разныхъ переводовъ еврейскаго, а не арамейскаго, текста, мнѣ лично кажется неслишкомъ убѣдительною: ко всей этой аргументаціи приложима поговорка: изъ ста кроликовъ не составитъ лошади, изъ ста подозрѣній (или возможностей) не составитъ улики (или доказательства). Но этотъ вопросъ для нашей цѣли почти безразличенъ. Семитическій оригиналъ нашего изреченія могъ стоять въ Евангеліи евреевъ; но это послѣднее, несомнѣнно, было арамейскимъ, а не еврейскимъ (блаж. Иеронимъ); по арамейски ܠܘܫׁ значитъ только „субботствовать“, Евангеліе, по духу, было іудейское, и, значитъ, въ переводѣ ошибки нѣтъ; оно могло стоять въ преевангеліи отъ Маттея, которое, можетъ быть, было написано по еврейски; въ такомъ случаѣ ܠܘܫׁܐ легко могло стоять тамъ; но если было такъ, то непонятно, куда же дѣвалось это рѣшительное, строгое *запрещеніе* субботы? Зачѣмъ Варнава, Юстинъ, посланіе къ евреямъ такъ много занимаются ея интерпретаціей? какъ возможны были въ первоначальной церкви сомнѣнія по этому вопросу? почему этого запрещенія, не сохранилъ намъ хотя бы „павлинство“ св. Лука?

Назарои — единственная секта I — II вѣка, относительно которой строгое субботствованіе засвидѣтельствовано вполнѣ твердо. Евангеліе подвижничихъ епіонитовъ-гностиковъ, — такъ называемое евангеліе 12-ти апостоловъ, — предложенное профессоромъ Цаномъ, меньше идетъ въ расчетъ, такъ какъ нѣтъ прямыхъ данныхъ за то, что они блюди субботу, и есть напротивъ сильныя основанія сомнѣваться въ этомъ. Епифаній (въ данномъ случаѣ надежный источникъ) говоритъ, что они отвергали не только пророковъ, но и большую часть закона (βλασ-

перъ, напимѣръ, также рѣшительно отрицаетъ это, какъ Решъ утверждаетъ. (См. Schäfer, Gesch. des jüdischen Volks im Zeitalter Jesu Christi, т. 2, стр. 8—9; Resch, Paralleltex-te zu den Evangelien, I, quellenkritische Grundlegungen, стр. 87). Слова слугъ первосвященника апостолу Петру (Mate. 27, 73 и Марка 14, 70): ἄληθῶς καὶ οὐ ἐξ αὐτῶν εἶ· καὶ γὰρ ἡ λαλίᾳ σου δῆλον σε ποιεῖ· или: καὶ γὰρ Γαλιλαῖος εἶ, καὶ ἡ λαλίᾳ σου ὁμοιάζει доказываютъ, что говоры галилейскій и іерусалимскій какъ-то отличались; но чѣмъ и насколько—изъ этого мѣста не видно.

φημαὶ ('Εβ.) τὰ πλείω τῆς νομοθεσίας), говоря: что миѣ за нужда читать вѣ законѣ, когда явилось Евангеліе? О жертвахъ въ ихъ (греческомъ) евангеліи Христосъ говорилъ: Ἦλθον καταλῦσαι τὰ ἔργα τῆς θεοσίας (ср. Ев. Маркіона: Ἦλθον οὐ πληρῶσαι τὸν νόμον, ἀλλὰ καταλῦσαι) καὶ ἐὰν μὴ παύσηθε τοῦ θύειν, οὐ παύεται ἀφ' ὑμῶν ἡ ὀργή ¹⁾). Какъ странно рядомъ съ такимъ изречеціемъ звучало бы наше: ἐὰν μὴ ἀβρατίσητε τὸ σάββατον, οὐκ ἔψαθε τὸν πατέρα!

Остается показать, что принятому смыслу второй половины изреченія не противорѣчитъ смыслъ первой. Чтобы опредѣлить его, надо войти въ нѣкоторыя лексическія подробности. Νηστεῖω въ смыслѣ „воздерживаюсь“ употребляется вообще нерѣдко; въ классическомъ языкѣ оно сочиняется съ Gen. separationis (νηστис βραῖς Eurip. Iphig. Taup. 973; νηστεῖσαι κακότητος Эмпедоклъ у Плутарха, Mor. p. 464 В). Нашъ текстъ даетъ Accus. limitationis: νηστεῖω τὸν κόσμον = воздерживаюсь, отвергаюсь отъ міра. Въ древнехристианской прозѣ Accus. limit. почти вытѣсненъ Dativ'омъ, для понятія „воздержанія“ употребляется глаголъ ἀποτάσσειν, а не νηστεῖω, и Dativ, при νηστεῖω (въ „Пастырѣ“ Ермы) значить: поститься во славу Божию ²⁾). Итакъ, хотя смыслъ нашего изреченія въ общемъ ясенъ, словоупотребленіе его совершенно необычайное для христианской литературы. Что же такое „міръ“, отъ котораго нужно воздерживаться? Κόσμος въ Новомъ Завѣтѣ употребляется нерѣдко, и въ довольно разнообразныхъ смыслахъ; чаще всего—у апостола Іоанна. У апостола Іоанна κόσμος преимущественно означаетъ совокупность людей и силъ, враждебныхъ Христу и Богу; онъ лежитъ во злѣ, его князь—дѣволъ; у синоптиковъ κόσμος, во-первыхъ, вселенная, весь тварный міръ, во-вторыхъ orbis terrarum, земля, царства земныя; отсюда ἐξουσία κόσμου власть мірская и власть надъ міромъ, міровладычество. Вообще κόσμος есть міръ матеріальный въ противоположность духовному: толпа въ противоположность избраннымъ, матеріальныя блага въ противоположность духовнымъ, вѣшняя земная власть и сила въ противоположность царствію Божию. Прилагая къ вашему мѣсту первое значеніе, получаемъ проповѣдь сектантской обособленности; прилагая второе—проповѣдь матеріальнаго аскетизма; третье — проповѣдь отреченія отъ политическихъ надеждъ и затѣй. Всѣ три ученія существовали у назареевъ; но въ данномъ слу-

¹⁾ Harnack, Gesch. der altchristlichen Litteratur bis Eusebius, 1 Th. II Band, стр. 206—209.

²⁾ Тамъ, loco citato.

чаѣ лучше всего принять, кажется, третій смыслъ, такъ какъ 1) κόσμος въ текстѣ противопоставленъ царствію Божию и 2) этотъ смыслъ болѣе соотвѣтствуетъ словоупотребленію синаптиковъ, къ языку и духу которыхъ изреченіе подходитъ, вслѣдствіе, больше, чѣмъ къ Іоаннову. Такимъ образомъ смыслъ этого чисто іудейскаго, даже фарисейскаго (все христіанское въ немъ исчерпывается наименованіемъ Бога Отцомъ) изреченія можно передать такъ: „Кто хочетъ обрѣсти царствіе Божіе и увидѣть Отца небеснаго, тотъ долженъ отречься отъ попытокъ добиться міровладычества и все вниманіе сосредоточить на соблюденіи закона“. Почти такъ проповѣдывали многіе фарисеи; ученіе о земномъ царствѣ Мессіи не противорѣчитъ этому: когда Мессія придетъ, онъ оснуетъ царство, но пока его нѣтъ, нельзя начинать его дѣла.

Перехожу къ слѣдующему, третьему, изреченію, вполне ясному, несмотря на порчу текста въ концѣ и по духу очень отличному отъ только что разобраннаго. Оно читается такъ:

λέγει ἰς ἑσθην ἐν μέσῳ τοῦ κόσμου καὶ ἐν σαρκὶ ὤφθη αὐτοῖς· καὶ εὔρον πάντας μεθύοντας καὶ οὐδένα εὔρον διψῶντα ἐν αὐτοῖς· καὶ ποιεῖ ἡ ψυχὴ μου ἐκὶ τοῖς οἰοῖς τῶν ἀνθρώπων, ὅτι τυφλοὶ εἰσὶν τῇ καρδίᾳ αὐτῶν καὶ... Далѣ двухъ буквъ нехватаетъ; потомъ стоитъ что-то вроде βλαῖς или βλεκο. Начало слѣдующей строки, первой на другой сторонѣ листа, тоже пропало; видны лишь послѣднія слова: (τ)ην πτωχεῖαν. Это значитъ: „Говорить Іисусъ: я сталъ посредникъ міра в во плоти сталъ видимъ имъ; и нашелъ всѣхъ упившимися и никого не нашелъ жаждущаго въ нихъ; и скорбитъ душа моя о сынахъ человѣческихъ, что они слѣпы сердцемъ своимъ и“...

Далѣ предложены разные способы чтенія. Издатели полагаютъ, что πτωχεῖαν 1-й строки оборота оканчиваетъ особое изреченіе, и, чтобы дать ему мѣсто, предположили, что ниже испорченной 21-й строки совсѣмъ пропала одна или нѣсколько строкъ. Цѣлая группа изслѣдователей примкнула къ нимъ. Цанъ читаетъ: καὶ ἀμβλαῖς τῷ νοῦ (тупы разумніемъ) и далѣ полагаетъ новое λέγει ἰπσοῦς съ неизвѣстнымъ продолженіемъ. Другіе, какъ Гейнрици и Кроссъ, тоже предполагаютъ что пропала цѣлая строка, но относятъ и ее, и первую строку оборота до πτωχεῖαν къ тому же третьему изреченію. Гейнрици предлагаетъ: καὶ βραδαῖς τῇ ἀκοῇ αὐτῶν· ἀλλὰ διώκετε τὴν πτωχεῖαν и медленны слухомъ своимъ; но (зову васъ), ищите нищеты (духовной). Кроссъ читаетъ: καὶ οὐ βλέκοσι, πτωχοὶ καὶ οὐκ οἶδασι τὴν πτωχεῖαν то-есть: и не видятъ. нища и не знаютъ о нищетѣ“. Идея послѣдней

конъектуры, думается миѣ, вѣрна; самъ Кроссъ и Гарнакъ указываютъ на сопоставленіе слѣпоты и нищеты духовной, при чемъ κτωχόςъ безъ особыхъ объясненій значитъ духовно нищаго, въ Апокалипсисѣ, III. 7: Іоаннѣ пишетъ ангелу Лаодикійской церкви: „ты говоришь: я богатъ и обладаю сокровищами, и ни въ чемъ нужды не имѣю; и не знаешь того, что ты убогъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ“. Но всякая конъектура тѣмъ лучше, чѣмъ меньше порчи она предполагаетъ; поэтому миѣ кажется лучшею изъ предложенныхъ конъектура Гарнака, который не предполагаетъ цѣлой пропавшей строки и читаетъ: καὶ οὐ βλέπουσιν εἰς τὴν κτωχεῖαν. Эта конъектура, почти ничего не сочиняющая отъ себя (καὶ, βλέπο, (τ)ὴν κτωχεῖαν стоитъ на папирусѣ, личное окончаніе οσιν разумѣется само собою) миѣ кажется, можетъ быть еще усовершенствована. Дѣло опять въ лексическихъ затрудненіяхъ. Βλέπειν εἰς τι въ древнехристианской литературѣ и у LXX-ти не имѣетъ того смысла, который тутъ нуженъ; буквально это выраженіе значить: смотрѣть, взглянуть на что (εἰς τὰ ὀπίσω, εἰς τὸν οὐρανόν, εἰς ἀλλήλους, εἰς ἐμὲ и т. д.); а въ фигуральномъ смыслѣ его мы имѣемъ лишь въ текстѣ Матѣ. 22, 16 и буквально сходномъ у Марка 12, 14; фарисеи говорятъ Христу: οὐ γὰρ βλέπεῖς εἰς πρόσωπον ἀνθρώπων то-есть, ты не зришь на лица, не измѣняешь своего поведенія, глядя по тому, съ кѣмъ говоришь; οὐ βλέπουσι εἰς τὴν κτωχεῖαν значить слѣдовательно, не „не замѣчаютъ своей нищеты“, а: „обращаются съ людьми, не обращая вниманія, нищи они или нѣтъ“. Βλέπειν же въ смыслѣ духовной пронизательности, и слѣдовательно οὐ βλέπειν въ смыслѣ отсутствія такой пронизательности (ср. Іоанна: Неужели и мы слѣпы?—Если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы грѣха; но такъ какъ вы говорите, что видите,—то-есть: такъ какъ вы не замѣчаете своей слѣпоты,—то грѣхъ остается на васъ) употребляется въ Новомъ Завѣтѣ просто съ Accus. Поэтому миѣ кажется лучше читать: καὶ οὐ βλέπουσι αὐτῶν τὴν κτωχεῖαν или τὴν αὐτῶν κτωχεῖαν. (Ср. Ad Heb. 10, 25 ἐγγίζουσιν τὴν ἡμέραν; 2, 9 Ἰησοῦν ἠλαττωμένον... δόξῃ καὶ τιμῇ ἑορταζομένον; βλέπειν κτωχεῖαν находится въ переводѣ Плача Іереміи, 3, 1: ἐγὼ ἀνὴρ ὁ βλέπων κτωχεῖαν). Это чтеніе представляетъ, повидимому, одно неудобство: оно предполагаетъ въ строкѣ 20 буквъ, тогда какъ максимальное число буквъ въ остальныхъ строкахъ = 19. Но на дѣлѣ это именно обстоятельство и говоритъ за предложенное чтеніе: слово κτωχεῖαν, одно во всемъ отрывкѣ, написано скомканно: не только ѱ замѣнено горизонтальной чертой,—это встрѣчается еще нѣсколько разъ,—но и ѱ на-

писано надъ строкой, что намекаетъ на то, что въ этой строкѣ была одна или двѣ лишнія буквы. Но, конечно, это конъектура и не болѣе. Читать, слѣдовательно, можно такъ: „Говоритъ Иисусъ: я сталъ посредникѣмъ міра и во плоти явился имъ; и нашелъ всѣхъ опьяненными и никого не нашелъ жаждущаго въ нихъ; и болитъ душа моя о сынахъ человѣческихъ, что они слѣпы сердцемъ своимъ и не видятъ своей нищеты“.

Это поразительное по силѣ рѣчи и чувства изреченіе по духу и способу выраженія болѣе всего подходитъ къ евангелію отъ Іоанна. Нигдѣ такъ часто и такъ горько Христосъ не жалуется на невниманіе и непониманіе, какъ въ четвертомъ Евангеліи; нигдѣ такъ часто не говорится о самодовольной слѣпотѣ жалкихъ сыновъ человѣческихъ; и именно тамъ Христосъ, „въ послѣдній великій день праздника“ куцей стоитъ и зоветъ къ себѣ жаждущихъ истины: „Если кто жаждетъ, пусть идетъ ко мнѣ и пьетъ“. Впечатлѣніе нашего изреченія таково, будто оно произнесено послѣ этой же рѣчи, когда Христосъ не нашелъ отклика на свой призывъ. Выраженіе „я сталъ посредникѣмъ земли“ станетъ понятно, если мы предположимъ, что дѣло происходитъ въ Іерусалимѣ, и вѣроятно въ храмѣ (Іоанна гл. VII, ст. 37, ст. ст. 14), который для евреевъ былъ центръ земной—*umbilicus terrae*. Но выраженіе: *ἐν οαρχί ᾧφθην αὐτοῖς* не находитъ себѣ полныхъ аналогій даже въ Евангеліи Іоанна: тутъ Христосъ говоритъ Самъ о Собѣ такъ, какъ въ Новомъ Завѣтѣ только о немъ говорятъ апостолы (*καὶ ὁ λόγος οαρχὲ ἰγνέτο, καὶ ἐσχήνασαν ἐν ἡμῖν καὶ ἀθεοοαμεθα τὴν ὄψαν αὐτοῦ* Іоанн. I. 14. *Θεὸς ἀφτερωφθῆ ἐν οαρχί* Тим. I, 3. 16 и т. д.). Насколько вѣроятно, что предшествующее второе изреченіе изъто изъ евангелія евіонитовъ-назареевъ, настолько же повѣрлтно, что и третье взято оттуда же.

Разсмотрѣніе слѣдующаго изреченія приходится начинать тоже съ конца, какъ и втораго, такъ какъ первая его половина жестоко повреждена временемъ и слѣдовательно нуждается въ конъектуральномъ возстановленіи. Состояніе его слѣдующее: его первая строка довольно достовѣрно читается *λέγει ἰς' ὅπου ἐὰν ᾧον* (говоритъ Иисусъ: гдѣ бы они ни были); во второй видно *ε, θεοι καὶ*; въ третьей—ясенъ конецъ: *ἐστιν μόνος*; въ четвертой *ἐγὼ εἰμι μετ' αὐτοῦ* (находится одинъ... и нахожусь съ нимъ); и затѣмъ вполне четко читаются слова: *ἐγερων τὸν λίθον καὶ ἐκεῖ εὐρήσικ με, σχίσον τὸ ξύλον καγὼ ἐκεῖ εἰμι*. То-есть: подыми камень—и тамъ найдешь меня, расколи дерево, и я есмь тамъ.

Все исследователи единогласно видят в первой половинѣ вариантѣ къ изреченію: „Гдѣ двое или трое собраны во имя мое, тамъ я посреди ихъ“, вариантѣ, распространяющій изреченіе и на случай полного одиночества вѣрующаго. Такой текстъ существовалъ въ „Согласіи четырехъ Евангелій“ Татиана, какъ намъ извѣстно изъ комментарія св. Ефрема Сирина, и его имѣла въ своемъ евангеліи секта энкратитовъ, основанная Татианомъ; но и Климентъ александрійскій, хотя самъ не принимаетъ другаго текста, чѣмъ какой стоитъ въ нашемъ Евангеліи отъ Матѳея, старается путемъ аллегорической интерпретации примѣнить этотъ текстъ къ одному человѣку (толкую *δύο* и *τρεῖς*, какъ *σάρξ* и *πνεῦμα* или *σάρξ*, *ψυχή* и *πνεῦμα*); такимъ образомъ, догадка по мысли весьма хорошо подходитъ къ остаткамъ текста и хорошо умѣщается въ исторіи экзегетики. Если изреченіе восстановлено хотя по мысли вѣрно, то здѣсь опять текстъ оксиринхитскаго панируса значительно новѣе нашего евангелія отъ Матѳея: онъ неизвѣстенъ раньше второй половины 2-го вѣка (Ignat. ad. Ephes. V, p. 274, 34 даетъ его только въ интерполированной редакціи; см. Rasch, Paralleltexte zu Matthaeus u. Marcus, стр. 233). Такимъ образомъ нѣтъ надобности считать вторую половину древнѣе с. 150 г., и съ этой точки зрѣнія интерпретировать ее.

Изъ предложенныхъ чтеній лучшее даетъ Гарнакъ, лучшее во первыхъ потому, что оно строго придерживается всѣхъ остатковъ буквъ, во вторыхъ потому, что всего проще. Онъ читаетъ: *λέγει ἱς δέου ἐάν ᾤσιν ὁὐκ εἰσὶν ἄθεοι, καὶ ᾤσκηρ εἰς ἑστίν μόνος, οὕτω ἐγὼ εἰμί μετ'αὐτοῦ*; то-есть: „говоритъ Иисусъ: гдѣ бы они ни были, (ученики, вѣрные) они не оставлены Богомъ (*ἄθεος* = *χωρίς θεοῦ*, какъ Ephes. 2, 12); и какъ одинъ изъ нихъ находится наединѣ, такъ (сочетаніе *ᾤσκηρ*—*οὕτω* удостовѣрено, какъ показываетъ Гарнакъ, евангеліскимъ словоупотребленіемъ) я есмь съ нимъ.

Вторая часть изреченія вполне ясна: „подыми (Logist) камень (τὸν λίθον, всякій, любой) и тамъ найдешь меня; расколи (Logist) дерево (τὸ ξύλον), я тамъ“. Все исследователи, кромѣ Гарнака¹⁾, видятъ въ этомъ изреченіи ученіе о мистическомъ вездѣ присутствіи Христа въ природѣ, нѣкоторый (я бы даже сказалъ: весьма прямолинейный) матеріалистическій пантеизмъ или, если угодно, панхристизмъ. Гарнакъ думаетъ иначе: по его мнѣнію, эти слова „могли быть и вѣроятно были перетолкованы пантеистически“, но сами по себѣ они не проповѣдуютъ пантеизма. Тем-

¹⁾ И г. Аграфова (проф. Лопухина).

ное $\acute{\epsilon}\chi\alpha\acute{\iota}$ $\alpha\upsilon\tau\eta\sigma\iota\varsigma$ не надо объяснять, по его мнѣнію, по ясному $\acute{\epsilon}\gamma\omega$ $\epsilon\acute{\iota}\pi\iota$ $\mu\epsilon\tau'$ $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$; Христось общаетъ вѣрнымъ нравственно быть съ ними во время ихъ уединенной, тяжелой работы. Гарнакъ сравниваетъ Екклезиастъ 10, 9: „Кто передвигаетъ камни, надсадится; кто колетъ дрова, тотъ можетъ подвергнуться опасности отъ нихъ“. Христось, въ противоположность пессимизму Екклезиаста, утѣшаетъ, по Гарнаку, вѣрнаго труженика общаніемъ и тутъ быть при немъ. Какъ ни остроумно и ни благородно по мысли это толкованіе, оно кажется мнѣ неприложимымъ къ тексту. Оно нужно Гарнаку для того, чтобы и это изреченіе нашло себѣ мѣсто въ евангеліи египтянъ, какъ раньше для той же цѣли онъ изгонялъ иудейскую „субботу“ изъ второго изреченія. Интерпретацин его противорѣчатъ и Аристотѣль $\acute{\epsilon}\gamma\alpha\gamma\omicron\nu$, $\sigma\chi\acute{\iota}\sigma\omicron\nu$, указывающіе на однократность предлагаемаго дѣйствія: подыми, расколи (а не подымай, раскалывай), (ождается или $\acute{\omicron}\rho\omicron\tau\alpha\upsilon$, или Partic. Praes.), и Singularia съ опредѣленнымъ членомъ $\tau\omicron\nu$ $\lambda\acute{\iota}\theta\omicron\nu$, $\tau\acute{o}$ $\acute{\epsilon}\upsilon\lambda\omicron\nu$ (ождается $\lambda\acute{\iota}\theta\omicron\sigma$, $\acute{\epsilon}\upsilon\lambda\alpha$) и повторенное $\acute{\epsilon}\chi\alpha\acute{\iota}$, указывающее, что присутствіе Христа предполагается именно „тамъ“, то-есть *подъ* камнемъ и *съ* деревѣ. Если что можно уступить Гарнаку (и лично я очень бы не прочь это сдѣлать), такъ это то, что *первоначальный* смыслъ изреченія угаданъ имъ вѣрно; но тогда слѣдуетъ признать, что „пантеистическое перетолкованіе“ его *совершилось уже съ нашимъ текстомъ*.

Redpath сравниваетъ извѣстный текстъ псалтыри „камо пойду отъ Духа Твоего“ и т. д. Аналогія очень несовершенная. Въ псалмѣ сохранено понятіе о Богѣ, какъ отдѣльной отъ міра личности; вездѣсущіе его заключается по псалму въ томъ, что Онъ можетъ всегда повсюду въ мірѣ проявить свою личность и силу: „я тамо рука Твоя наставитъ мя и удержитъ мя десница Твоя“. Въ нашемъ же отрывкѣ Богъ (Христось) имманентенъ міру (выраженіе Гейнрици); аналогія изъ гностическаго евангелія Евы, приводимая Grenfell'емъ и Hunt'омъ, подходитъ гораздо ближе: „Я есмь ты, и ты еси я; гдѣ бы ты ни находился, я нахожусь тамъ же; я разсѣлянъ повсюду и ты соберешь меня отовсюду, откуда захочешь; а собирая меня, ты собираешь себя“.

Два послѣднія изреченія не представляютъ особаго труда ни для чтенія и перевода, ни для истолкованія. Они читаются:

$\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota$ $\kappa\acute{\iota}$ $\omicron\upsilon\chi$ $\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu$ $\delta\epsilon\chi\tau\acute{o}\varsigma$ $\kappa\rho\upsilon\phi\eta\tau\eta\varsigma$ $\acute{\epsilon}\nu$ $\tau\eta$ $\kappa\alpha\tau\rho\acute{\iota}\delta\iota$ $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$, $\omicron\upsilon\delta\acute{\epsilon}$ $\acute{\iota}\alpha\tau\rho\acute{o}\varsigma$ $\kappa\omicron\iota\omega\acute{\iota}$ $\theta\epsilon\rho\alpha\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ $\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\gamma\acute{\iota}\nu\omega\sigma\chi\omicron\nu\tau\alpha\varsigma$ $\alpha\upsilon\tau\omicron\nu$. $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota$ $\kappa\acute{\iota}$ $\rho\acute{o}\lambda\iota\varsigma$ $\phi\acute{\iota}\chi\omicron\delta\omicron\mu\eta\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$ $\acute{\epsilon}\pi'$ $\acute{\alpha}\chi\rho\omicron\nu$ $\delta\rho\omicron\upsilon\varsigma$ $\acute{\upsilon}\phi\eta\lambda\omicron\upsilon$ $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\rho\acute{\iota}\gamma\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$ $\omicron\upsilon\tau\epsilon$ $\kappa\alpha\sigma\alpha\acute{\iota}\nu$ $\delta\omicron\nu\alpha\tau\alpha\iota$ $\omicron\upsilon\tau\epsilon$ $\kappa\rho\upsilon\beta\eta\eta\nu\alpha\iota$.
То-есть:

Говорить Іисусъ: не пріятель пророкъ въ своемъ отечествѣ, и врачъ не лечитъ знающихъ его.

Говорить Іисусъ: городъ, построенный на вершинѣ высокой горы и утвержденный (на прочномъ основаніи), не можетъ ни упасть, ни укрыться.

Оба изреченія, хотя въ этой формѣ и не находятся въ нашихъ Евангеліяхъ, однако хорошо знакомы намъ и по мыслямъ, и даже по оборотамъ рѣчи. Начало перваго буквально стоитъ у Лука (4, 24), а въ нѣсколько измѣненной редакціи у Матѳея и Марка; къ продолженію Гарнакъ сравниваетъ слова Марка, слѣдующія за этимъ изреченіемъ: (6, 5): „и не могъ (Іисусъ) сотворить у нихъ, (то-есть въ Назаретѣ) ни одного знаменія, только на немногихъ немощныхъ возложилъ руки и исцѣлилъ ихъ (ἐθεράπευσε)“; и замѣчаетъ, что, значить, сочетаніе пророка и врача не чуждо синоптическимъ евангеліямъ. Можетъ быть еще ближе къ нашему тексту подходятъ такіе, гдѣ Христосъ говоритъ о врачѣ и его дѣятельности фигурально, подразумевая подъ нимъ пророка, проповѣдника, когда онъ, напримѣръ, на укоры, что онъ ѣсть и пьетъ съ мытарями и грѣшниками, отвѣчаетъ: не здоровымъ нуженъ врачъ, а больнымъ; я пришелъ призвать не праведниковъ, а грѣшниковъ къ покаянію (Матѳ. гл. 9, ст. 12); или, когда Онъ говоритъ: „конечно, вы скажете мнѣ присловье: врачъ! исцѣлился самъ!“ (Луки 4, 23).

Второе изреченіе какъ бы составлено изъ двухъ извѣстныхъ синоптическихъ притчъ. Ср., во-первыхъ, Матѳ. 5, 14: не можетъ градъ укрыться вверху горы стоя (этотъ текстъ есть только у Матѳея). Еще ближе подходятъ ¹⁾ редакціи Татіана и древне-сирійскаго перевода: Non potest civitas abscondi supra montem aedificata, и, можетъ быть, текстъ автора Клементинъ (III, 67): τὴν ἐκκλησίαν ὡς πόλιν ἐν ὄρει: φρόνησεν ἡμεῖς φιλόνεικον εἶναι τὰς ἐκκλ. и т. д. Но варианты эти незначительны, и можетъ быть представляютъ просто разные переводы одного семитическаго текста, хотя Цанъ склоненъ видѣть въ φρόνησεν ἡμεῖς нашего отрывка и Клементинъ указаніе на происхожденіе того и другаго текста изъ евангелія евіонитовъ-гностиковъ. Съ другой стороны можно сравнить Матѳ. гл. 7, ст. 24—27,—притчу о человѣкѣ, построившемъ свой домъ на скалѣ.

Последнее изреченіе несомнѣнно тоже ново, такъ какъ съ его перваго слова (ἀκούε или ἀκούετε) не начинается ни одно изъ доселѣ

¹⁾ Hagpack и Zahn.

извѣстныхъ. Но продолженіе почти совершенно разрушено временемъ, и даже ни одна изъ предложенныхъ конъектуръ не ведетъ текста дальше введенія, такъ что невозможно опредѣлить, въ чемъ было его главное содержаніе.

Что же сказать вообще объ этомъ отрывкѣ? Передъ нами 7 изреченій; первое буквально стоитъ въ позднѣйшей редакціи Евангелія отъ Луки, остальные новы. Изъ этихъ новыхъ одно іудейстично до отсутствія почти всего специфически христіанскаго; другое по содержанію и способу выраженія тѣсно примыкаетъ къ Евангелію отъ Іоанна, а о Своей сверхчеловѣчности Христосъ даже въ этомъ Евангеліи не говоритъ такъ прямо и ясно, какъ здѣсь. Третье носитъ явный характеръ пантеизма, находямаго нами у нѣкоторыхъ гностиковъ (сенеіанъ, архонтиковъ, также въ „Актахъ апостола Іоанна“ псевдо-Левкія), перерабатывая и перетолковывая въ такомъ духѣ синоптическое изреченіе. Наконецъ два послѣднихъ представляютъ комбинацію или, можетъ быть, независимую традицію синоптическихъ изреченій; они вполне православны, но и сектантамъ любого толка не было бы причинъ отъ нихъ отрекаться.

Изъ такого перечня—а представить иной невозможно тому, кто къ интерпретаціи фрагмента приступаетъ безъ предвзятыхъ теорій—ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ компактнымъ отрывкомъ, и даже не съ выборкой изъ одного сочиненія, а съ рядомъ выписокъ, или реминисценцій, изъ многихъ, разнохарактерныхъ и разновременныхъ, сочиненій. Но такъ какъ, по какой то необъяснимой случайности, всѣ писавшіе до сихъ поръ о нашемъ предметѣ не ставятъ такого взгляда даже въ видѣ предположенія, то необходимость его надо выставить какъ можно ярче. *Несмотря даже на скудость нашихъ свидѣній о неканоническихъ и еретическихъ евангеліяхъ, есть положительныя данныя, запрещающія отнести ось наши λόγια къ какому либо одному изъ нихъ.* Профессоръ Гарнакъ пишетъ:

1) Это не можетъ быть отрывокъ изъ λόγια апостола Матвея, такъ какъ ученіе о Божествѣ Іисуса Христа въ такомъ случаѣ выражено было-бы у синоптиковъ иначе, и ярче, чѣмъ это есть на дѣлѣ.

2) Это не можетъ быть отрывокъ сочиненія Папія, такъ какъ сочиненіе Папія представляло не собраніе изреченій Христа, а сводъ толкованій на нихъ.

Къ этимъ „не можетъ быть“, съ которыми всѣ согласны (съ слѣ-

дующими у Гарнака можно спорить), я, на основаніи произведеннаго анализа, считаю возможнымъ присоединить слѣдующія:

3) Это, вопреки Гарнаку, не выборка изъ евангелія египтянъ. Нашъ фрагментъ предписываетъ строгое субботство, и учитъ объ имманентности Христа матеріальному міру; а евангеліе египтянъ было языческо-христіанскимъ и считалось *православнымъ* еще св. Климентомъ Александрійскимъ.

4) Это, вопреки Цану, врядъ ли выборка изъ евангелія евіонитовъ-гностиковъ¹⁾, такъ какъ эти евіониты (да, кажется, и другіе—не гностики) отвергали Іоанново евангеліе, и субботствованіе ихъ не только не доказано, а даже очень сомнительно.

5) Это не выборка изъ какого либо евангелія прочихъ гностиковъ, такъ какъ всѣ изреченія, кромѣ развѣ одного, относятся къ періоду общественной проповѣди Іисуса Христа (до распятія), а гностическія евангелія содержали откровенія, данныя, будто бы, отъ воскресенія до вознесенія.

6) Это не гностическая переработка каноническихъ евангелій, такъ какъ только одно изреченіе явно гностично, а въ прочихъ никакой тенденціозной переработки не видно, и Христосъ рисуется истиннымъ человѣкомъ.

7) Это не выборка изъ такъ называемаго евангелія Петра, такъ какъ евангеліе Петра относится къ первой половинѣ второго вѣка, а наше первое изреченіе—второй половины этого вѣка, и потому, что изреченіе третье, съ его *κουαί ἡ φοχή μου*, не могло стоять въ докетическомъ евангеліи, какимъ было псевдо-Петрово.

Остается одно, что принято выше: передъ нами выборка изъ разныхъ евангельскихъ писаній, принадлежащихъ не только разнымъ авторамъ, но разнымъ сектамъ. Этотъ выводъ можетъ быть затруднительно принять потому, что не такъ то легко объяснить, кто и для чего могъ сдѣлать такую выборку. Но трудность эта не такова, чтобы ужъ ничего правдоподобнаго и предположить было невозможно. Мало вѣроятно, чтобы эту выборку сдѣлалъ для себя христіанинъ-ученый (*doctrinagum omnium curiosissimus explorator*, вродѣ Иринея Ліонскаго), для свѣдѣнія или для полемики, такъ какъ онъ для свѣдѣнія же отмѣтилъ бы себѣ при каждой цитатѣ и источникъ, от-

¹⁾ Впрочемъ это предположеніе, во всякомъ случаѣ, лучше всѣхъ остальныхъ, здѣсь разбираемыхъ.

куда она взята. Но рядъ такихъ выписокъ, или даже замѣтокъ со слуха, легко могъ сдѣлать какой-нибудь простецъ-христіанинъ, особенно если онъ жилъ въ мѣстности, гдѣ рядомъ существовали и назарен, и гностики, и православные, просто по невѣдѣнію. Около 200-го года епископъ Серапіонъ Антиохійскій, извѣстный противникъ монтеизма, нашелъ, что въ русской церкви докетическое евангеліе Петра употреблялось въ богослуженіи, самъ сначала одобрялъ его, и уже потомъ разобралъ свою оплошность (Eus. Hist. Eccl. VI, 12). Если цѣлья церкви и выдающіеся епископы въ концѣ II вѣка могли такъ ошибаться, тѣмъ проще могло это случиться съ частнымъ лицомъ. Наконецъ, если кто либо дѣлаетъ выборку безразлично изъ сочиненій разныхъ партій, то это тотъ, кто стоитъ внѣ всѣхъ ихъ, и на всѣ смотритъ со стороны; въ данномъ случаѣ—*не христіанинъ*. Что со второй половины II вѣка верхи языческаго міра начинаютъ интересоваться христіанствомъ, извѣстно всѣмъ (письмо къ Діогнету, Лукіанъ Самосатскій, Цельсъ); а изъ сочиненія Оригена хатъ Κέλσοο видно съ полной ясностью, что этотъ послѣдній, хотя тщательно изучилъ христіанскую литературу и, несомнѣнно, кое-что слышалъ о партіяхъ въ средѣ христіанъ, но не различалъ въ христіанствѣ церкви и секты (приписывалъ, на примѣръ, христіанамъ вообще теософическую діаграмму офитовъ), и противорѣчія его источниковъ его не смущали—они представлялись ему противорѣчіями въ самомъ христіанскомъ ученіи (Origenes, contra Celsum, кн. II, гл. 27; кн. VI, 24). Но знакомился съ христіанствомъ не только полемисты, вроде Цельса; были и доброжелатели-эклетики. вроде „Діогнета“, или императора Александра Севера, у котораго въ Ιαγαγίον'ѣ, рядомъ съ бюстами Орфея и Аполлонія Тіанскаго, стояли бюсты Авраама и Христа, и который на фронтонѣ одного изъ воздвигнутаго зданія помѣстилъ евангельское изреченіе. У подобнаго лица легко могло быть собраніе изреченій чтимыхъ имъ мудрецовъ, добытыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ: исторіей канона онъ не интересовался, сектантской метафизикой тоже, а собиралъ безъ различія все, что ему нравилось или почему либо возбуждало его интересъ. Припомнимъ, что нашъ папирусъ могъ быть написанъ и не въ Египтѣ, и не содержать „изреченій Иисуса“, много больше, чѣмъ сколько дошло до насъ; если такъ, то постоянно возвращающееся λέγει ἰησοῦς (которое изслѣдователямъ почему-то представляется „торжественнымъ“) объясняется просто: эта формула служила, чтобы отдѣлять изреченія

разныхъ мудрецовъ, стоявшія въ книгѣ: λέγει 'Ορφεός, λέγει 'Απολλώνιος, λέγει 'Ιησοῦς ¹⁾).

Но если предложенное объясненіе не удовлетворить читателя—и не стою за него. Я стою только на томъ, что фактъ, твердо установленный—въ данномъ случаѣ разновременность, разнохарактерность и, вѣроятно, разномѣстность нашихъ изреченій—долженъ въ глазахъ науки оставаться фактомъ и въ томъ случаѣ, если нашихъ знаній и сообразительности не хватаетъ на его удовлетворительное объясненіе. Надо ждать, что скажутъ дальнѣйшія работы и открытія, а ни въ какомъ случаѣ не отвергать и не перетолковывать факта. Можетъ быть рѣшеніе дастъ уже слѣдующій выпускъ Archaeological Report'a of the Egypt Exploration Fund, въ которомъ обѣщанъ отчетъ о прочихъ оксиринхитскихъ находкахъ.

В. Меліоранскій.

¹⁾ Христіанскія сокращенія нашего отрывка (θς, κρ, ανος, ις и др.) могли быть перенесены сюда вѣсцомъ буквально изъ его христіанскихъ оригиналовъ.